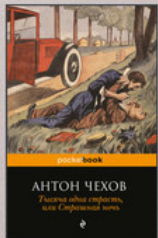

Антон Чехов

Налим

*Часть сборника
Тысяча одна страсть, или
Страшная ночь (сборник)*

Антон Павлович Чехов

Налим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22028050

*Тысяча одна страсть, или Страшная ночь / Антон Чехов: Э;
Москва; 2016*

Аннотация

«Летнее утро. В воздухе тишина; только поскрипывает на берегу кузнечик да где-то робко мурлыкает орличка. На небе неподвижно стоят перистые облака, похожие на рассыпанный снег... Около строящейся купальни, под зелеными ветвями ивняка, барахтается в воде плотник Герасим, высокий, тощий мужик с рыжей курчавой головой и с лицом, поросшим волосами. Он пыхтит, отдувается и, сильно мигая глазами, старается достать что-то из-под корней ивняка. Лицо его покрыто потом. На сажень от Герасима, по горло в воде, стоит плотник Любим, молодой горбатый мужик с треугольным лицом и с узкими, китайскими глазками. Как Герасим, так и Любим, оба в рубахах и портах. Оба посинели от холода, потому что уж больше часа сидят в воде...»

Антон Чехов

Налим

Летнее утро. В воздухе тишина; только поскрипывает на берегу кузнечик да где-то робко мурлыкает орличка. На небе неподвижно стоят перистые облака, похожие на рассыпанный снег... Около строящейся купальни, под зелеными ветвями ивняка, барахтается в воде плотник Герасим, высокий, тощий мужик с рыжей курчавой головой и с лицом, поросшим волосами. Он пытит, отдувается и, сильно мигая глазами, старается достать что-то из-под корней ивняка. Лицо его покрыто потом. На сажень от Герасима, по горло в воде, стоит плотник Любим, молодой горбатый мужик с треугольным лицом и с узкими, китайскими глазками. Как Герасим, так и Любим, оба в рубахах и портах. Оба посинели от холода, потому что уж больше часа сидят в воде...

– Да что ты всё рукой тычешь? – кричит горбатый Любим, дрожа как в лихорадке. – Голова ты садовая! Ты держи его, держи, а то уйдет, анафема! Держи, говорю!

– Не уйдет... Куда ему уйтить? Он под корягу забился... – говорит Герасим охрипшим, глухим басом, идущим не из гортани, а из глубины живота. – Скольз-

кий, шут, и ухватить не за что.

– Ты за зебры хватай, за зебры!

– Не видать жабров-то... Постой, ухватил за что-то... За губу ухватил... Кусается, шут!

– Не тащи за губу, не тащи – выпустишь! За зебры хватай его, за зебры хватай! Опять почал рукой тыкать! Да и беспонятный же мужик, прости царица небесная! Хватай!

– «Хватай»... – дразнит Герасим. – Командер какой нашелся... Шел бы да и хватал бы сам, горбатый чёрт... Чего стоишь?

– Ухватил бы я, коли б можно было... Нешто при моей низкой комплекции можно под берегом стоять? Там глыбоко!

– Ничего, что глыбоко... Ты вплавь...

Горбач взмахивает руками, подплывает к Герасиму и хватается за ветки. При первой же попытке стать на ноги, он погружается с головой и пускает пузыри.

– Говорил же, что глыбоко! – говорит он, сердито вращая белками. – На шею тебе сяду, что ли?

– А ты на корягу стань... Коряг много, словно лестница...

Горбач нащупывает пяткой корягу и, крепко ухватившись сразу за несколько веток, становится на нее... Совладавши с равновесием и укрепившись на новой позиции, он изгибается и, стараясь не набрать в

рот воды, начинает правой рукой шарить между корягами. Путаясь в водорослях, скользя по мху, покрывающему коряги, рука его насккивает на колючие клешни рака...

– Тебя еще тут, чёрта, не видали! – говорит Любим и со злобой выбрасывает на берег рака.

Наконец рука его нащупывает руку Герасима и, спускаясь по ней, доходит до чего-то склизкого, холодного.

– Во-от он!.. – улыбается Любим. – Зда-аровый, шут... Оттопырь-ка пальцы, я его сейчас... за зебры... Пстой, не толкай локтем... я его сейчас... сейчас, дай только взяться... Далече, шут, под корягу забился, не за что и ухватиться... Не доберешься до головы... Пузо одно только и слышать... Убей мне на шее комара – жжет! Я сейчас... под зебры его... Заходи сбоку, пхай его, пхай! Шпыняй его пальцем!

Горбач, надув щеки, притаив дыхание, вытаращивает глаза и, по-видимому, уже залезает пальцами «под зебры», но тут ветки, за которые цепляется его левая рука, обрываются, и он, потеряв равновесие, – бултых в воду! Словно испуганные, бегут от берега волнистые круги, и на месте падения вскакивают пузыри. Горбач выплывает и, фыркая, хватается за ветки.

– Утонешь еще, чёрт, отвечать за тебя придется!.. –

хрипит Герасим. – Вылазь, ну ты к лешему! Я сам вы-тащу!

Начинается ругань... А солнце печет и печет. Те-ни становятся короче и уходят в самих себя, как рога улитки... Высокая трава, пригретая солнцем, начина-ет испускать из себя густой, приторно-медовый запах. Уж скоро полдень, а Герасим и Любим всё еще барах-таются под ивняком. Хриплый бас и озябший, визгли-вый тенор неугомонно нарушают тишину летнего дня.

– Тащи его за зебры, тащи! Постой, я его выпихну! Да куда суешься-то с кулачищем? Ты пальцем, а не кулакам – рыло! Заходи сбоку! Слева заходи, слева, а то вправо колдобина! Угодишь к лешему на ужин! Тяни за губу!

Слышится хлопанье бича... По отлогому берегу к водовою лениво плетется стадо, гонимое пастухом Ефимом. Пастух, дряхлый старик с одним глазом и по-кривившимся ртом, идет, понуря голову, и глядит себе под ноги. Первыми подходят к воде овцы, за ними ло-шади, за лошадьми коровы.

– Потолкай его из-под низу! – слышит он голос Лю-бима. – Просунь палец! Да ты глухой, чё-ёрт, что ли? Тьфу!

– Кого это вы, братцы? – кричит Ефим.

– Налима! Никак не вытащим! Под корягу забился! Заходи сбоку! Заходи, заходи!

Ефим минуту щурит свой глаз на рыболовов, затем снимает лапти, сбрасывает с плеч мешочки и снимает рубаху. Сбросить порты не хватает у него терпения, и он, перекрестясь, балансируя худыми, темными руками, лезет в портах в воду... Шагов пятьдесят он проходит по илистому дну, но затем пускается вплавь.

– Постой, ребяташки! – кричит он. – Постой! Не вытаскивайте его зря, упустите. Надо умеючи!..

Ефим присоединяется к плотникам, и все трое, толкая друг друга локтями и коленями, пыхтя и ругаясь, толкуются на одном месте... Горбатый Любим захлебывается, и воздух оглашается резким, судорожным кашлем.

– Где пастух? – слышится с берега крик. – Ефим! Пастух! Где ты? Стадо в сад полезло! Гони, гони из сада! Гони! Да где ж он, старый разбойник?

Слышатся мужские голоса, затем женский... Из-за решетки барского сада показывается барин Андрей Андреич в халате из персидской шали и с газетой в руке...

Он смотрит вопросительно по направлению криков, несущихся с реки, и потом быстро семенит к купальне...

– Что здесь? Кто орет? – спрашивает он строго, увидав сквозь ветви ивняка три мокрые головы рыболовов. – Что вы здесь копошитесь?

– Ры... рыбку ловим... – лепечет Ефим, не поднимая головы.

– А вот я тебе задам рыбку! Стадо в сад полезло, а он рыбку!.. Когда же купальня будет готова, черти? Два дня как работаете, а где ваша работа?

– Бу... будет готова... – кряхтит Герасим. – Лето велико, успеешь еще, вашескородие, помыться... Пфррр... Никак вот тут с налимом не управимся... Забрался под корягу и словно в норе: ни туда ни сюда...

– Налим? – спрашивает барин и глаза его подергиваются лаком. – Так тащите его скорей!

– Ужо дашь полтинничек... Удружим ежели... Здоровенный налим, что твоя купчиха... Стоит, вашескородие, полтинник... за труды... Не мни его, Любим, не мни, а то замучишь! Подпирай снизу! Тащи-ка корягу кверху, добрый человек... как тебя? Кверху, а не книзу, дьявол! Не болтайте ногами!

Проходит пять минут, десять... Барину становится невтерпеж.

– Василий! – кричит он, повернувшись к усадьбе. – Васька! Позовите ко мне Василия!

Прибегает кучер Василий. Он что-то жует и тяжело дышит.

– Полезай в воду, – приказывает ему барин, – помоги им вытащить налима... Налима не вытащат!

Василий быстро раздевается и лезет в воду.

– Я сичас... – бормочет он. – Где налим? Я сичас... Мы это мигом! А ты бы ушел, Ефим! Нечего тебе тут, старому человеку, не в свое дело мешаться! Который тут налим? Я его сичас... Вот он! Пустите руки!

– Да чего пустите руки? Сами знаем: пустите руки! А ты вытащи!

– Да нешто его так вытащишь? Надо за голову!

– А голова под корягой! Знамо дело, дурак!

– Ну, не лай, а то влетит! Сволочь!

– При господине барине и такие слова... – лепечет Ефим. – Не вытащите вы, братцы! Уж больно ловко он засел туда!

– Погодите, я сейчас... – говорит барин и начинает торопливо раздеваться. – Четыре вас дурака, и налима вытащить не можете!

Раздевшись, Андрей Андреич дает себе остынуть и лезет в воду. Но и его вмешательство не ведет ни к чему.

– Подрубить корягу надо! – решает наконец Любим. – Герасим, сходи за топором! Топор подайте!

– Пальцев-то себе не отрубите! – говорит барин, когда слышатся подводные удары топора о корягу. – Ефим, пошел вон отсюда! Пойдите, я налима вытащу... Вы не тово...

Коряга подрублена. Ее слегка надламывают, и Андрей Андреич, к великому своему удовольствию, чув-

ствуует, как его пальцы лезут налиму под жабры.

– Ташу, братцы! Не толпитесь... стойте... ташу!

На поверхности показывается большая налимя голова и за нею черное аршинное тело. Налим тяжело ворочает хвостом и старается вырваться.

– Шалишь... Дудки, брат. Попался? Ага!

По всем лицам разливается медовая улыбка. Минута проходит в молчаливом созерцании.

– Знатный налим! – лепечет Ефим, почесывая под ключицами. – Чай, фунтов десять будет...

– Н-да... – соглашается барин. – Печенка-то так и отдувается. Так и прет ее из нутра. А... ах!

Налим вдруг неожиданно делает резкое движение хвостом вверх, и рыболовы слышат сильный плеск... Все растопыривают руки, но уже поздно; налим – поминай как звали.